

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Кривова А.Л., Афонин М.В. Трансформация принципа государственного суверенитета в контексте наднационального регулирования и глобальных вызовов // Международное право. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.4.75315 EDN: TOHEOG URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=75315

Трансформация принципа государственного суверенитета в контексте наднационального регулирования и глобальных вызовов

Кривова Анна Леонидовна

ORCID: 0000-0002-4095-4656

старший преподаватель; кафедра гражданского и уголовного права и процесса; АНОО
"МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ"
старший преподаватель; кафедра гуманитарных наук; ФГБОУ ВО "Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации"
старший преподаватель; кафедра социально-гуманитарных наук и технологий; ФГБОУ ВО
«Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»

111673, Россия, г. Москва, р-н Новокосино, ул. Новокосинская, д. 23, кв. 190

✉ krivovaal@gmail.com

Афонин Михаил Викторович

ORCID: 0000-0002-6291-3732

кандидат юридических наук

доцент; институт экономики и менеджмента; ФГБОУ ВО "Ярославский государственный технический
университет"

150000, Россия, Ярославская обл., г. Ярославль, ул. Максимова, д. 4, кв. 13

✉ m-afonin@mail.ru

[Статья из рубрики "Теория и философия международного права"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2025.4.75315

EDN:

TOHEOG

Дата направления статьи в редакцию:

27-07-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена комплексному анализу трансформации принципа государственного суверенитета, ключевого института современного

международного права. Предметом исследования является многогранный процесс эволюции концепции суверенитета, проявляющийся в поступательной адаптации государств к новым реалиям, характеризующимся как усилением наднационального регулирования, так и экспоненциальным ростом масштабов и влияния транснациональных вызовов. Целью данной работы является проведение исчерпывающего изучения актуальных тенденций, которые активно формируют содержание и практическое осуществление суверенитета, идентификация и осмысление новых доктринальных подходов, отражающих эти глубокие изменения, а также оценка комплексных практических последствий данной трансформации для функционирования всей международной системы. В рамках исследования детально анализируется, каким образом интеграционные процессы, всеобъемлющая глобализация, стремительная цифровизация, глобальные экологические проблемы и многоаспектные вопросы безопасности кардинально изменяют традиционные представления о сущности государственной власти, ее неотъемлемых правах и возлагаемых обязанностях, способствуя формированию качественно новых моделей межгосударственного взаимодействия в условиях глубокой и всеохватывающей взаимозависимости. В качестве методологии применялись системный, сравнительно-правовой, историко-правовой подходы, а также доктринальный анализ научной литературы и международно-правовых актов, включая учредительные договоры интеграционных объединений, резолюции международных организаций и решения международных судебных органов. Герменевтический метод использовался для интерпретации сложных концепций, таких как "совместный суверенитет", "взаимозависимый суверенитет" и "ответственность за защиту". Новизна исследования заключается в комплексном и системном подходе к анализу трансформации суверенитета в современном контексте, включающем как наднациональные, так и транснациональные факторы. Впервые проведено детальное исследование и сравнение различных доктринальных концепций, отражающих изменения в понимании суверенитета, в их взаимосвязи с актуальными глобальными вызовами. Выводы исследования заключаются в констатации перехода государственного суверенитета от парадигмы абсолютного и неограниченного к релятивному, взаимозависимому и функциональному характеру. Усиливается роль добровольного ограничения суверенных прерогатив в пользу международного сотрудничества и наднационального регулирования для эффективного решения глобальных проблем. Принцип суверенитета трансформируется, интегрируя в себя "ответственность за защиту" и требуя от государств большей гибкости и взаимодействия в рамках международной системы. Адаптация правовых систем к этим изменениям является необходимым условием для поддержания международного мира и стабильности.

Ключевые слова:

Государственный суверенитет, Трансформация суверенитета, Наднациональное регулирование, Глобальные вызовы, Международное право, Эволюция суверенитета, Глобализация, Ответственность за защиту, Взаимозависимость государств, Международные организации

Введение

Принцип государственного суверенитета, являясь фундаментальным столпом классического международного права, закрепленным в Уставе ООН^[1] и других

основополагающих международно-правовых актах, олицетворяет собой верховенство государственной власти на своей территории и независимость в международных отношениях. Исторически он служил гарантом стабильности и предсказуемости межгосударственных взаимодействий, определяя основы правосубъектности государств. Однако, современная эпоха характеризуется беспрецедентным ускорением глобализационных процессов, которые, наряду с развитием технологий и возникновением новых вызовов, оказывают глубокое трансформирующее воздействие на традиционное понимание и реализацию суверенитета.

Исследования показывают эволюцию представлений о государственном суверенитете от классической трактовки, основанной на абсолютизме власти государства над своей территорией и населением, к современной модели, учитывающей взаимозависимости государств в рамках международного права и интеграционных объединений. Например, Жуковская Н. Ю. и Калинина Е. В. рассматривают диалектику эволюции государственного суверенитета, подчеркивая необходимость учета изменений, происходящих в результате влияния международной среды и новых форм взаимодействия государств [\[11\]](#).

Отдельные авторы исследуют влияние региональных интеграций, таких как Европейский союз и Евразийский экономический союз, на национальные суверенитеты стран-участниц. Так, Ковалёв В. С. подчеркивает важность анализа проблем сохранения национального суверенитета в условиях усиления интеграции, рассматривая роль международных институтов и правовых норм [\[13\]](#). Исследование Гарбузаровой Е. Г. затрагивает проблему соотношения национальных интересов и потребностей межгосударственного сотрудничества в контексте евразийского пространства. Автор обращает внимание на баланс между стремлением сохранить национальный суверенитет и необходимостью интегрироваться в глобальное сообщество [\[9\]](#).

Некоторые ученые фокусируются на угрозах государственному суверенитету, возникающих вследствие агрессивных форм наднационального контроля и вмешательства извне. Митин А. Н. и Лебедев Д. В. отмечают потенциальные риски, возникающие при усилении полномочий международных организаций и наднациональных структур, и предлагают механизмы защиты национального суверенитета [\[15\]](#).

Ряд авторов обращается к пересмотру классических концепций суверенитета, предлагая новые интерпретации, такие как «разделяемый суверенитет». Поярков С. Ю. рассматривает изменение подхода к суверенитету в свете трансформации современного конституционализма, подчеркивая переход от идеи абсолютного суверенитета к принципу совместного владения полномочиями между государством и международными структурами [\[16\]](#).

Современный мир сталкивается с парадоксальной ситуацией, когда традиционное понимание государственного суверенитета подвергается серьезным испытаниям. С одной стороны, наблюдается неуклонное усиление наднационального регулирования, проявляющееся в расширении сферы компетенции и полномочий международных организаций, углублении интеграционных процессов, формировании универсальных и региональных правовых режимов. Создание и развитие таких наднациональных структур, как Европейский Союз, а также деятельность специализированных учреждений ООН, международных финансовых институтов и торговых организаций, предполагает делегирование государствами части своих суверенных прав, что неизбежно ставит под

вопрос абсолютный характер суверенитета. Международные суды и арбитражные органы, в свою очередь, все активнее интерпретируют и применяют нормы международного права, влияя на сферу компетенции национальных государств.

С другой стороны, нарастание глобальных вызовов объективно требует от государств скоординированных действий и, как следствие, может вести к ограничению их дискреционных полномочий. Глобализация, породившая тесную взаимозависимость экономик, финансов и информационных потоков, ставит под сомнение возможность государств в полной мере контролировать процессы, выходящие за пределы их национальных границ. Цифровизация, развитие искусственного интеллекта, киберугрозы, трансграничная преступность, пандемии, а также глобальные экологические проблемы, такие как изменение климата, требуют формирования новых международных правовых механизмов и совместных ответных мер, которые могут затрагивать традиционные сферы государственного регулирования.

Основная проблема исследования заключается в определении того, как указанные тенденции – усиление наднационального регулирования и актуализация глобальных вызовов – трансформируют традиционное понимание государственного суверенитета, его содержание и формы осуществления. Возникает закономерный вопрос о пределах возможной «трансформации» суверенитета без утраты его сущностных характеристик. Изучение данного феномена является критически важным для понимания современных тенденций развития международного права и выработки адекватных правовых инструментов для регулирования межгосударственных отношений в условиях усложняющейся глобальной среды. Исследование направлено на выявление новых граней суверенитета, оценку степени его эрозии или адаптации, а также на формирование предложений по гармонизации принципа суверенитета с императивами современного международного правопорядка.

Методология исследования

Методологической основой настоящего исследования выступает комплексный подход, включающий в себя применение ряда взаимодополняющих научных методов, позволяющих всесторонне и глубоко проанализировать сложную проблему трансформации принципа государственного суверенитета.

В первую очередь, для выявления эволюции концепции суверенитета и понимания ее генезиса в историческом контексте, будет активно применяться историко-правовой метод. Этот метод позволит проследить, как менялось содержание принципа суверенитета под влиянием ключевых исторических событий, доктринальных разработок и формирования новых правовых институтов, начиная от Вестфальского мира и заканчивая современными вызовами.

Для анализа форм и масштабов наднационального регулирования, а также для сравнения национальных моделей адаптации к транснациональным вызовам, будет использован сравнительно-правовой метод. Данный метод позволит выявить общие закономерности и существенные различия в подходах различных государств и интеграционных объединений к вопросам суверенитета, а также оценить эффективность применяемых правовых механизмов. Особое внимание будет уделено сравнительному анализу правовых систем государств-членов Европейского Союза как наиболее яркого примера наднациональной интеграции.

Системный метод будет применяться для комплексного анализа принципа суверенитета как элемента международной правовой системы. Он позволит рассматривать суверенитет

во взаимосвязи с другими принципами международного права, международными организациями, транснациональными акторами и глобальными вызовами, выявляя как прямые, так и косвенные связи и зависимости. Системный подход также будет способствовать пониманию того, как изменения в одной части системы влияют на другие ее элементы.

Формально-юридический метод станет ключевым для анализа нормативно-правовой базы, регулирующей принцип государственного суверенитета. Он будет использоваться для интерпретации положений международных договоров, резолюций международных организаций, национального законодательства, а также для определения содержания и объема суверенных прав и ограничений. Этот метод позволит точно и последовательно определять правовое значение изучаемых норм и принципов.

Для достижения более глубокого понимания смысла правовых норм, доктринальных концепций и политico-правовых явлений, связанных с трансформацией суверенитета, будет задействован герменевтический метод. Он позволит не только установить буквальное значение правовых текстов, но и раскрыть их подлинный смысл, контекст и интерпретацию, как со стороны правотворческих органов, так и со стороны правоприменительной практики, включая решения международных судебных органов.

Наконец, функциональный метод будет способствовать анализу того, как принцип суверенитета фактически функционирует в современной международной системе, какие функции он выполняет и как эти функции трансформируются под влиянием рассматриваемых факторов. Этот метод позволит оценить реальную роль суверенитета в контексте наднационального регулирования и транснациональных вызовов, выявляя как ограничения, так и новые формы его проявления.

Результаты исследования

Принцип государственного суверенитета, являясь краеугольным камнем современного международного правопорядка, имеет глубокие исторические корни, восходящие к эпохе становления национальных государств и упадка универсальных властных институтов Средневековья. Завершение Тридцатилетней войны и заключение Вестфальского мирного договора 1648 года принято считать отправной точкой в формировании качественно новой системы межгосударственных отношений, основанной на признании суверенитета как неотъемлемого атрибута государства. В этот период формирование суверенитета как атрибута государства выражалось в признании за каждым монархом верховной власти в пределах своих территориальных границ, независимой от каких-либо внешних авторитетов, включая Папу Римского и Священную Римскую империю. Государство обретало исключительное право осуществлять законодательную, исполнительную и судебную власть на своей территории, а также самостоятельно определять свои отношения с другими государствами.

Классические доктрины, разработанные мыслителями эпохи абсолютизма и раннего Просвещения, оказали существенное влияние на становление и развитие концепции суверенитета и ее имплементацию в международное право. Жан Боден, как один из первых систематизаторов понятия суверенитета, определял его как «абсолютную и вечную власть государства» [17]. Томас Гоббс [10], развивая идеи Бодена, рассматривал суверенитет как источник права и порядка, необходимый для предотвращения «войны всех против всех» в своем трактате «Левиафан». Джон Локк, напротив, акцентировал внимание на ограниченности суверенитета, считая, что власть правительства основана на согласии управляемых и ограничена естественными правами человека [14]. Эти

доктрины, несмотря на различия в подходах к природе и ограничениям суверенитета, заложили основу для понимания государства как носителя верховной власти, способного вступать в юридически обязательные отношения с другими суверенными образованиями.

В современном международном праве принцип суверенитета включает в себя два неразрывно связанных аспекта: внутренний и внешний суверенитет. Внутренний суверенитет означает верховенство государственной власти в пределах национальной территории, исключительное право государства осуществлять свои функции, принимать законы и управлять своим населением без вмешательства извне. Внешний суверенитет, в свою очередь, характеризует независимость государства на международной арене, его равноправие с другими государствами и свободу вступать в международные отношения.

Авторы приходят к выводу, что государственный суверенитет – это не статичное право, а динамическая способность государства, действующая как на внутриполитической, так и на международной арене, к самостоятельному определению своей внутренней и внешней политики, принятию обязательных решений в пределах своей юрисдикции, а также к обеспечению своей территориальной целостности и политической независимости в условиях изменяющегося баланса сил, возрастающей взаимозависимости и наличия наднациональных регулятивных механизмов.

При этом под наднациональным регулированием понимается процесс формирования и применения правовых норм и управлеченческих решений, обладающих прямым действием и приоритетом над национальным законодательством в установленных сферах компетенции, осуществляемый интегрированными международными организациями, наделенными собственной правосубъектностью и полномочиями принимать обязательные для государств-членов решения, выходящие за рамки межгосударственного соглашения.

Основные формы проявления современного суверенитета включают: верховенство права на своей территории, гарантирующее, что все лица и институты, включая само государство, подчиняются закону; территориальную целостность и неприкосновенность границ; политическую независимость, выражющуюся в праве самостоятельно выбирать форму правления, осуществлять внешнюю политику и решать внутренние вопросы.

Важно отметить, что современный суверенитет не является абсолютным. Международное право предусматривает ряд ограничений суверенитета, обусловленных как императивными нормами (*jus cogens*), такими как запрет агрессии, геноцида, рабства, так и добровольным принятием государством международных обязательств. Международные договоры и решения международных организаций, принятые в соответствии с их мандатом, могут налагать на государства юридически обязательные ограничения в различных сферах, от торговли и экологии до прав человека и безопасности. Эти ограничения, однако, не умаляют суверенитет государств в их основе, а скорее являются выражением их согласия на сотрудничество и установление определенных правил игры в рамках международного сообщества.

С течением времени и под влиянием изменяющихся реалий международной жизни, концепция суверенитета подверглась значительным доктринальным трансформациям. Отход от представлений об абсолютном и неделимом суверенитете привел к развитию более гибких и релятивных подходов. В этом контексте особую актуальность приобрела концепция "ответственности за защиту" (*Responsibility to Protect* - R2P), которая постулирует, что суверенитет государства влечет за собой ответственность за защиту своего населения от массовых зверств (геноцида, военных преступлений, преступлений

против человечности и этнических чисток). Если государство не может или не желает выполнять эту ответственность, международное сообщество может принять меры, вплоть до военного вмешательства, санкционированного Советом Безопасности ООН, для защиты населения. Эта концепция, по сути, модифицирует традиционное понимание суверенитета, связывая его не только с правами, но и с обязанностями.

Параллельно развиваются идеи, связанные с "мягким" суверенитетом, который предполагает большую гибкость в толковании и осуществлении суверенных прав, готовность к сотрудничеству и компромиссам в рамках международных режимов. Имплементация "мягкого" суверенитета проявляется в добровольном принятии международных стандартов, участии в международных программах и проектах, а также в готовности учитывать интересы других государств и международного сообщества при принятии национальных решений. Этот подход отражает признание того, что в условиях глобализации ни одно государство не может быть полностью изолировано от внешних влияний и вызовов, и эффективное управление ими часто требует скоординированных международных усилий, даже если это сопряжено с определенным ограничением суверенной дисcretionи.

Наиболее ярким и показательным примером влияния наднационального регулирования на государственный суверенитет является опыт Европейского Союза. Создание ЕС представляет собой уникальный процесс, в рамках которого государства-члены добровольно передали часть своих суверенных полномочий на наднациональный уровень. Механизмы трансфера суверенитета в рамках ЕС многообразны и включают в себя: заключение учредительных договоров, устанавливающих компетенцию Союза; создание наднациональных институтов, обладающих законодательными, исполнительными и судебными функциями; формирование единого правового пространства. Ключевым аспектом этого процесса является правовая приматность права ЕС над национальным правом. Эта доктрина, разработанная Судом ЕС, означает, что в сферах, где Союз обладает компетенцией, право ЕС имеет прямое действие и приоритет над национальным законодательством, включая конституционные нормы. Таким образом, государства-члены вынуждены ограничивать осуществление своего внутреннего суверенитета в пользу наднациональных органов. Влияние наднациональных органов (Европейская Комиссия, Суд ЕС) на суверенные права государств-членов проявляется в их способности принимать обязательные для государств решения, интерпретировать и применять право ЕС, а также рассматривать иски против государств, нарушающих договорные обязательства. Эти органы фактически выступают в роли арбитров и регуляторов, чьи решения имеют прямое воздействие на внутреннюю политику и законодательство государств-членов, что является существенной трансформацией традиционного представления о суверенитете.

Помимо интеграционных объединений, роль международных организаций и универсальных режимов также играет существенную роль в ограничении или трансформации государственного суверенитета. Организации, подобные ООН, МВФ, ВТО, устанавливают правила игры в различных сферах межгосударственного взаимодействия и могут оказывать значительное влияние на национальную политику государств. Например, членство в ВТО предполагает соблюдение правил международной торговли, которые могут ограничивать право государств применять протекционистские меры. МВФ, предоставляя финансовую помощь, часто выдвигает условия, касающиеся экономической политики стран-заемщиков, что фактически затрагивает их внутренний суверенитет. Деятельность ООН, включая Совет Безопасности, может налагать обязательства по поддержанию международного мира и безопасности, включая санкции

или даже разрешение на применение силы, что также является серьезным ограничением суверенной власти государств.

Специализированные международные режимы, такие как режимы, регулирующие ядерное нераспространение или международную торговлю, создают комплекс правовых норм и механизмов контроля, которые обязывают государства к определенному поведению и ограничивают их право на независимое принятие решений в соответствующих сферах. Соблюдение этих режимов, как правило, осуществляется на основе добровольного присоединения государств, однако отказ от участия или нарушение установленных правил влечет за собой международно-правовую ответственность и может привести к изоляции и санкциям, что является формой давления на суверенитет.

Международные судебные органы выступают в качестве значимых факторов трансформации суверенитета, поскольку они обладают полномочиями по толкованию и применению норм международного права, а их решения могут иметь обязательную силу для государств. Роль Международного Суда ООН, Международного уголовного суда, региональных судов (например, Европейского Суда по правам человека) в интерпретации и применении норм, затрагивающих суверенитет, неоспорима. Эти органы разрешают споры между государствами, рассматривают вопросы, связанные с нарушением международно-правовых обязательств, и, в случае международных уголовных трибуналов, привлекают к ответственности лиц за международные преступления, тем самым вторгаясь в традиционную сферу юрисдикции национальных государств.

Прецедентное право, формируемое этими судами, оказывает существенное влияние на национальные системы, способствуя унификации правоприменения и развитию международного права. Решения международных судов могут служить ориентиром для национальных законодателей и судей, побуждая их к адаптации национального законодательства и судебной практики в соответствии с международными стандартами, что, в свою очередь, является проявлением трансформации суверенитета. Влияние таких органов, как ЕСПЧ, особенно значительно, поскольку его решения могут напрямую воздействовать на внутреннее законодательство государств-участников, обязывая их изменять национальные законы и судебные практики, соответствующие европейским стандартам в области прав человека. Международные судебные органы выступают не только как инструменты разрешения споров, но и как активные агенты, формирующие и трансформирующие представления о суверенитете в современном мире.

Современный этап развития человечества характеризуется беспрецедентным уровнем глобализации и цифровизации, что приводит к значительному размыванию традиционных границ и порождает новые формы государственного и негосударственного контроля. Трансграничное движение информации, капиталов, людей стало настолько интенсивным и быстрым, что национальные юрисдикции зачастую оказываются не в состоянии эффективно регулировать и контролировать эти потоки. Информация, распространяемая через глобальные сети, мгновенно пересекает государственные границы, минуя любые национальные барьеры, что ставит под вопрос возможность государства контролировать информационное пространство и идеологическое влияние. Аналогично, свободное движение капиталов, в том числе через офшорные зоны, затрудняет для государств контроль над финансовыми потоками и налогообложением.

Особую значимость приобретают вызовы, связанные с интернетом, кибербезопасностью и цифровым суверенитетом. Киберпространство, будучи по своей природе

детерриториальным, создает уникальные условия для деятельности как легитимных субъектов, так и злоумышленников. Кибератаки, направленные на критическую инфраструктуру, государственные информационные системы или финансовые институты, могут иметь разрушительные последствия, игнорируя территориальные пределы государственного суверенитета. Понятие цифрового суверенитета – права государства контролировать цифровые данные, инфраструктуру и технологии на своей территории – становится все более актуальным, но одновременно и все более сложным в реализации, поскольку оно напрямую сталкивается с глобальным характером цифровых технологий и доминированием транснациональных корпораций.

Глобальные экологические проблемы представляют собой еще один существенный вызов для принципа государственного суверенитета, поскольку они не признают национальных границ и требуют скоординированных международных усилий для своего решения. Проблема трансграничного загрязнения, когда промышленные выбросы или сбросы из одной страны негативно влияют на окружающую среду другой, неизбежно порождает необходимость международного правового регулирования и установления ответственности. Изменение климата, являющееся одним из наиболее острых вызовов XXI века, оказывает всеобъемлющее воздействие на планету, требуя от государств совместных действий по сокращению выбросов парниковых газов и адаптации к новым климатическим условиям. Вопросы управления водными ресурсами, особенно в контексте трансграничных рек и океанов, также требуют международного сотрудничества и могут приводить к ограничению суверенных прав государств на использование природных ресурсов.

Международные экологические режимы, такие как Рамочная конвенция ООН об изменении климата [5], Киотский протокол [7], Парижское соглашение [8], а также конвенции по охране озонового слоя [4] или биоразнообразия [6], устанавливают нормы и обязательства, которые влияют на национальное регулирование. Государства, присоединяясь к этим режимам, принимают на себя обязательства по сокращению выбросов, охране определенных видов, управлению природными ресурсами, что, по сути, является добровольным ограничением их суверенных прав в интересах решения общепланетарных экологических проблем.

Миграционные процессы, усилившиеся в последние десятилетия, создают комплексные вызовы, связанные с массовой миграцией, которые оказывают существенное влияние на национальную безопасность и правопорядок. Большие потоки беженцев и мигрантов ставят перед государствами сложные задачи по обеспечению их приема, интеграции, соблюдению прав и контролю над границами. Эти процессы затрагивают такие суверенные prerогативы государства, как право определять миграционную политику, контролировать пересечение границ и поддерживать общественный порядок.

Международно-правовое регулирование миграции, представленное Конвенцией ООН о статусе беженцев 1951 года [2] и Протоколом 1967 года [3], а также различными региональными соглашениями, направлено на создание общих стандартов и механизмов сотрудничества. Однако эффективность этого регулирования часто ограничивается различными факторами, включая отсутствие политической воли, расхождение национальных интересов и недостаточность ресурсов. В результате, многие государства вынуждены самостоятельно искать решения, что может приводить к ужесточению миграционной политики, усилию пограничного контроля и, как следствие, к частичному ограничению своих суверенных прав в области регулирования человеческих потоков.

Транснациональная организованная преступность и терроризм являются одними из наиболее серьезных транснациональных вызовов, напрямую подрывающих основы государственного суверенитета и безопасности. Эти угрозы, отличающиеся высокой степенью мобильности, организации и использованием современных технологий, игнорируют государственные границы и требуют всестороннего международного сотрудничества в борьбе с ними [11]. Преступные сети, занимающиеся наркотрафиком, торговлей людьми, отмыванием денег, а также террористические организации, чья деятельность выходит за рамки национальных юрисдикций, представляют собой прямую угрозу для правопорядка и стабильности государств.

Для эффективного противодействия этим угрозам государства вынуждены активно развивать правовые инструменты экстерриториального воздействия и ограничения суверенитета. К таким инструментам относятся: договоры о взаимной правовой помощи, экстрадиции, сотрудничество правоохранительных органов, обмен информацией, а также возможность преследования и наказания лиц, совершивших преступления на территории других государств или против интересов других государств. Участие в международных контртеррористических операциях, обмен разведанными, а также соблюдение международных санкционных режимов против государств или организаций, поддерживающих терроризм, являются примерами того, как государства добровольно ограничивают свое суверенное право действовать по своему усмотрению в интересах коллективной безопасности.

В условиях усиливающегося наднационального регулирования и нарастания глобальных вызовов, традиционное представление об абсолютном и неделимом государственном суверенитете становится недостаточным для адекватного описания современной международной реальности. В связи с этим в науке международного права активно развиваются новые концепции, призванные отразить трансформацию суверенитета. Одной из таких концепций является «совместный суверенитет», который предполагает, что государства, вступая в интеграционные процессы или международные режимы, добровольно разделяют часть своих суверенных прав и обязанностей с наднациональными органами или другими государствами. Этот подход подразумевает, что суверенитет не утрачивается, а скорее трансформируется в совместное осуществление власти в определенных сферах. Анализ научной дискуссии показывает, что сторонники этой концепции видят в ней возможность для более эффективного решения глобальных проблем и укрепления межгосударственного сотрудничества, в то время как критики опасаются размытия национальных основ и утраты государственного контроля.

Тесно связанной с ней является концепция «взаимозависимого суверенитета». Она подчеркивает, что в современном глобализированном мире суверенитет каждого государства не является изолированным, а существует в контексте глубокой взаимозависимости с другими государствами и международными акторами. Государства вынуждены учитывать международные нормы, интересы других сторон и глобальные тренды при реализации своих суверенных прав. Эта взаимозависимость, по мнению сторонников концепции, требует большей гибкости, диалога и готовности к компромиссам, поскольку односторонние действия часто оказываются неэффективными или контрпродуктивными.

Наконец, «функциональный суверенитет» фокусируется не столько на территориальном или формальном аспекте власти, сколько на способности государства реально осуществлять функции управления, обеспечивать безопасность, благосостояние граждан

и соблюдение прав человека. В рамках этого подхода суверенитет рассматривается как способность государства выполнять свои обязательства и эффективно действовать в условиях меняющегося мира. Государства могут делегировать отдельные функции международным организациям или негосударственным акторам, если это позволяет им более эффективно выполнять свои основные задачи, сохраняя при этом общий суверенитет. Содержание этих концепций постоянно уточняется в ходе научных дебатов, отражая динамику развития международного права и политики.

Практические аспекты трансформации суверенитета проявляются в многообразии национальных моделей адаптации к наднациональному регулированию и глобальным вызовам. Существуют государства, которые демонстрируют высокую степень интеграции и готовы к значительной передаче суверенных полномочий в наднациональные структуры. Примерами государств, успешно интегрировавших наднациональные нормы, являются страны-члены Европейского Союза, которые в результате многолетнего процесса интеграции создали уникальную систему, где право ЕС имеет прямое действие и приоритет над национальным законодательством. Другие государства, напротив, демонстрируют большую осторожность и стремятся максимально сохранить свой суверенитет, выдвигая национальные интересы на первый план и избирательно подходя к участию в международных режимах. Примеры государств, наоборот, защищающих свой суверенитет, можно найти среди тех, которые ограничивают свое участие в международных договорах, сохраняют жесткий контроль над границами или активно противостоят внешнему вмешательству.

Сравнительный анализ механизмов имплементации международного права в различных государствах показывает, что успех или осторожность в адаптации суверенитета часто зависит от исторических, культурных и политических факторов, а также от конкретных транснациональных вызовов, с которыми сталкивается страна. Государства могут использовать различные подходы к включению норм международного права в свое национальное законодательство, такие как прямое применение, трансформация или адаптация, каждый из которых по-своему влияет на осуществление суверенитета.

Одной из наиболее острых проблем, возникающих в процессе трансформации суверенитета, является его соотношение с правами человека, особенно в контексте концепций "гуманитарной интервенции" и "ответственности за защиту" (R2P). Исторически, принцип невмешательства во внутренние дела государств, являющийся неотъемлемой частью внешнего суверенитета, рассматривался как абсолютный. Однако, случаи массовых зверств и нарушений прав человека внутри государств породили дискуссию о том, имеет ли международное сообщество право или даже обязанность вмешиваться, когда государство не способно или не желает защищать собственное население.

Доктринальные аспекты этих концепций сводятся к тому, что суверенитет является не только правом, но и обязанностью. Если государство не выполняет свою ответственность по защите населения от геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности и этнических чисток, международное сообщество может (и, согласно R2P, должно) принять меры, включая военные, в соответствии с Уставом ООН. Практические аспекты применения этих концепций демонстрируют значительные сложности и противоречия. Реализация "гуманитарной интервенции" или мер в рамках R2P зачастую зависит от политической воли и консенсуса в Совете Безопасности ООН, что делает их применение непоследовательным и подверженным политическим интересам. Кроме того, возникает вопрос о легитимности такого вмешательства без прямого согласия государства, что ставит под сомнение традиционные представления о суверенитете. Этот

аспект трансформации суверенитета продолжает оставаться предметом острых дискуссий и вызовов в современном международном праве.

В рамках дискуссии о трансформации современного мирового порядка, ключевое значение приобретает вопрос о размывании традиционной монополии государства на осуществление суверенной власти. Это явление, характеризующееся частичным переходом или фактическим присвоением суверенных функций негосударственными акторами (НГА), получило название "делегированного" или "де-факто" суверенитета. При этом, в отличие от формальной делегации полномочий, передача функций чаще всего происходит через заполнение вакуума власти или императивное навязывание решений, обусловленное специфическими ресурсами и возможностями негосударственных субъектов. Современные государства все чаще оказываются в функциональной зависимости от критически важной инфраструктуры и технологий, принадлежащих транснациональным корпорациям. Примеры включают спутниковую связь, глобальные облачные хранилища данных и доминирующие социальные медиаплатформы. Подобная зависимость не только ограничивает автономию государств, но и предоставляет ТНК мощный рычаг влияния на формирование государственной политики и даже способность определять ход национальных и международных событий, порой независимо от суверенной воли.

Крупнейшие цифровые платформы фактически выступают в роли регуляторов поведения миллиардов пользователей, устанавливая собственные "правила сообщества" и политики модерации контента. Эта деятельность, по своей сути, является формой нормотворчества и правоприменения в цифровой сфере, формируя квази-юрисдикцию, которая не только конкурирует с государственным регулированием, но и часто опережает его в скорости адаптации к новым реалиям.

Решения частных компаний относительно предоставления или прекращения доступа к стратегически важным услугам могут иметь прямое и порой решающее влияние на национальную безопасность, экономическую стабильность и динамику вооруженных конфликтов. Это демонстрирует, как частные инициативы приобретают масштабы и последствия, традиционно ассоциируемые с суверенной государственной деятельностью.

В условиях "несостоявшихся" государств (failed states) или в регионах, охваченных длительными конфликтами, негосударственные организации (НПО) и частные военные компании (ЧВК) могут фактически осуществлять контроль над территориями, предоставлять базовые публичные услуги и обеспечивать безопасность, тем самым замещая отсутствующую или неэффективную государственную власть.

Заключение

Настоящее исследование продемонстрировало, что принцип государственного суверенитета, будучи фундаментом международного правопорядка, претерпевает глубокие и многоаспектные трансформации под влиянием комплекса взаимосвязанных факторов. Резюме ключевых изменений в понимании и осуществлении государственного суверенитета сводится к переходу от парадигмы абсолютного и неограниченного суверенитета к концепциям, признающим его релятивность, взаимозависимость и функциональный характер. Наблюдается явное усиление роли наднационального регулирования, выражющееся в делегировании государствами части своих полномочий международным организациям и интеграционным объединениям, ярчайшим примером чего служит Европейский Союз. Параллельно, нарастание транснациональных вызовов, таких как глобализация, цифровизация, климатические изменения, миграционные потоки

и транснациональная преступность, вынуждает государства к более тесному международному сотрудничеству и, как следствие, к добровольному ограничению своих суверенных прерогатив.

Оценка степени трансформации суверенитета показывает, что, несмотря на сохранение фундаментальных основ, таких как территориальная целостность и политическая независимость, осуществление суверенитета становится все более опосредованным и ограниченным. Концепции "ответственности за защиту" и "мягкого суверенитета" отражают попытки адаптировать этот принцип к реалиям XXI века, связывая его не только с правами, но и с обязанностями государств перед своими гражданами и международным сообществом. Возрастающая роль негосударственных акторов и формирование феномена "де-факто суверенитета" представляют собой один из наиболее фундаментальных вызовов для традиционной модели государственности. В то же время, сохраняется напряженность между стремлением государств к сохранению своего суверенитета и объективной необходимостью международного сотрудничества для решения глобальных проблем.

Библиография

1. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 05.09.2025).
2. Конвенция ООН о статусе беженцев (принята 28 июля 1951 г. Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов) // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml?ysclid=mg8agn5zuc183523780 (дата обращения: 05.09.2025).
3. Протокол, касающийся статуса беженцев (принят 31 января 1967 г.) // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/OHCHR-1966-ysclid=mg8awdnweu219360301> (дата обращения: 05.09.2025).
4. Венская конвенция об охране озонового слоя (принята 22 марта 1985 г.) // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ozone.shtml?ysclid=mg8azgusaq823685744 (дата обращения: 05.09.2025).
5. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (принята 9 мая 1992 г.) // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml?ysclid=mg8b7myles479681411 (дата обращения: 05.09.2025).
6. Конвенция о биологическом разнообразии (принята 5 июня 1992 г.) // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml?ysclid=mg8b3hjra1280283666 (дата обращения: 05.09.2025).
7. Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (принят 11 декабря 1997 г.) // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml?ysclid=mg8b9dhjbp401324604 (дата обращения: 05.09.2025).
8. Парижское соглашение (заключено 12 декабря 2015 г.) // Сайт Конференций ООН по вопросам изменения климата. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 05.09.2025).
9. Гарбузарова Е. Г. Государственный суверенитет в контексте евразийской интеграции

- // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 28-35. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10016 EDN: VDYKFK.
10. Гоббс Т. Левиафан. – Рипол Классик, 2017.
11. Жуковская Н.Ю., Калинина Е.В. Государственный суверенитет и диалектика его эволюции в современных условиях // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2021. № 4. С. 76-88. DOI: 10.7256/2454-0633.2021.4.37115 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37115
12. Залоило М. В. Трансформация роли государства в современном мире: парадигмальные сдвиги концепции суверенитета // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2023. – Т. 2. – № 50. – С. 5-18. DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.01 EDN: CIPEFO.
13. Ковалёв В. С. Государственный суверенитет в международном и интеграционном измерениях // Право и управление. ХХI век. – 2021. – Т. 17. – № 1. – С. 13-25. DOI: 10.24833/2073-8420-2021-1-58-13-25 EDN: ZXEPPT.
14. Локк Д. Два трактата о правлении. – Litres, 2020.
15. Митин А. Н., Лебедев Д. В. Риски утраты государственного суверенитета и баланса интересов под влиянием агрессивных форм наднационального контроля // European and Asian Law Review. – 2024. – Т. 7. – № 1. – С. 10-23. DOI: 10.34076/27821668_2024_7_1_10 EDN: ODTGER.
16. Поярков С. Ю. Пересмотр концепции государственного суверенитета в контексте трансформации современного конституционализма: от абсолютного суверенитета к "разделяемому" // Юридические исследования. – 2025. – № 5. – С. 64-83.
17. Bodin J. Les six livres de la République. – J. de Tournes, 1977.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, трансформация принципа государственного суверенитета в контексте наднационального регулирования и глобальных вызовов. Заявленные границы исследования соблюdenы ученым.

Методология исследования раскрыта достаточно подробно. Основываясь на комплексном подходе, автор использует историко-правовой, сравнительно-правовой, системный, формально-юридический, герменевтический и функциональный методы.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению. С одной стороны, наблюдается беспрецедентное ускорение глобализационных процессов, с другой стороны - происходит усиление наднационального регулирования, что неизбежно ставит под вопрос старую концепцию абсолютного суверенитета государства. Как следствие, необходимо четкое понимание того, как эволюционируют традиционные взгляды на государственный суверенитет и на возможные границы его трансформации. Это важно для понимания современных тенденций развития международного права и выработки адекватных правовых инструментов для регулирования межгосударственных отношений.

Дополнительно автору необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень

их изученности.

Научная новизна работы проявляется в том, что автором предпринята попытка подчеркнуть необходимость рассмотрения государственного суверенитета в контексте обязанностей перед своими гражданами и международным сообществом. В то же время данный аспект проблемы не нашел подробного освещения в работе. В целом статья носит поверхностный, реферативный характер. Автор не формулирует оригинальных дефиниций ключевых понятий статьи, не предлагает логически стройной, выверенной современной концепции государственного суверенитета, не выявляет новых закономерностей в регулировании исследуемых отношений и т.п. Таким образом, в представленном на рецензирование виде статья не вносит особого вклада в развитие отечественной правовой науки.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, определяет его методологию. В основной части работы автор делает попытку анализа того, каким образом тенденции усиления наднационального регулирования и актуализации глобальных вызовов трансформируют традиционное понимание государственного суверенитета, его содержание и формы осуществления. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено ряда недостатков.

Так, ученый пишет о государствах, которые, защищая свой суверенитет, ограничивают свое участие в международных договорах, активно противостоят внешнему вмешательству и проч. Однако автор не приводит конкретные примеры, иллюстрирующие данное положение работы, и не поясняет, с чем связана такая позиция этих государств. Ученый справедливо говорит о том, что адаптация (лучше - трансформация) суверенитета часто зависит от исторических, культурных и политических факторов, а также от конкретных транснациональных вызовов, с которыми сталкивается страна. В то же время автор не разъясняет читателям, какие именно исторические, культурные и т.п. факторы имеются в виду. Данные положения работы также нуждаются в иллюстрировании.

Автор верно подметил непоследовательность концепций "гуманитарной интервенции" и "ответственности за защиту", а также их фактическую обусловленность политическими интересами тех или иных государств. В каких направлениях возможно совершенствование данных концепций? Какие правовые инструменты можно и нужно использовать для этого?

Статья не лишена небольших недостатков формального характера.

Так, ученый пишет: "Однако, современная эпоха характеризуется беспрецедентным ускорением глобализационных процессов, которые, наряду с развитием технологий и возникновением новых вызовов, оказывают глубокое трансформирующее воздействие на традиционное понимание и реализацию суверенитета" - первая запятая является лишней.

Автор отмечает: "Параллельно, нарастание транснациональных вызовов, таких как глобализация, цифровизация, климатические изменения, миграционные потоки и транснациональная преступность, вынуждает государства к более тесному международному сотрудничеству и, как следствие, к добровольному ограничению своих суверенных прерогатив" - первая запятая является лишней.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются пунктуационные ошибки.

Библиография исследования представлена 12 источниками (монографиями, научной статьей и международными документами), в том числе на французском языке. С

формальной точки зрения этого достаточно. Однако в работе в первую очередь должны использоваться теоретические источники в виде монографий и диссертационных работ. В представленной на рецензирование статье в основном использовались международные документы (8 наименований).

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер и не является достаточной. В научную дискуссию с конкретными учеными автор не вступает. Некоторые положения работы, как было указано выше, нуждаются в дополнительной аргументации и иллюстрировании примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются, однако большинство из них не обладает свойствами научной новизны. В частности, положение о том, что принцип государственного суверенитета в настоящее время претерпевает глубокие и многоаспектные трансформации, является общеизвестным. Во многих теоретических работах говорится о том, что концепция абсолютного суверенитета устарела. Всеми учеными констатируется усиление роли наднационального регулирования, знаменующего переход многих государств к парадигме ограниченного (функционального) суверенитета. Однако заслуживает внимания попытка автора подчеркнуть необходимость рассмотрения государственного суверенитета в контексте обязанностей перед своими гражданами и международным сообществом. В то же время в работе данный аспект проблемы не нашел подробного освещения.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен, прежде всего, в сфере международного права и конституционного права со стороны ученых, практикующих специалистов, обучающихся.

Таким образом, статья нуждается в основательной доработке: необходимо дополнить вводную часть работы, расширить теоретическую базу статьи, углубить ее отдельные положения, показать дискуссионность рассматриваемых проблем, уточнить выводы по результатам проведенного исследования, исправить ошибки в тексте.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является принцип государственного суверенитета, рассматриваемый в динамике под воздействием двух ключевых факторов: нарастающего наднационального регулирования (на примере ЕС, международных организаций и судов) и комплекса глобальных вызовов (цифровизация, экологические проблемы, миграция, транснациональная преступность). Автор ставит перед собой задачу не просто констатировать изменения, но и определить пределы трансформации суверенитета, при которых он сохраняет свои сущностные характеристики.

Методология статьи представлена отдельным разделом, в котором автор декларирует применение комплексного подхода, включающего историко-правовой, сравнительно-правовой, системный, формально-юридический, герменевтический и функциональный методы. Такой многоаспектный инструментарий адекватен сложности и многогранности предмета исследования. В тексте статьи прослеживается применение большинства из

отмеченных методов, однако в некоторых разделах (например, при анализе концепций «совместного» или «функционального» суверенитета) методологический аппарат используется недостаточно явно.

Актуальность темы обоснована автором. Вопрос о том, как государственный суверенитет адаптируется к реалиям XXI века, находится в эпицентре современных научных и политико-правовых дискуссий. Войны, санкции, пандемии, климатические кризисы и цифровая революция постоянно ставят под сомнение классические модели. Исследование вносит вклад в осмысление этих фундаментальных сдвигов, что делает его востребованным для научного сообщества и практиков международного права.

Научная новизна статьи заключается в комплексном анализе двух взаимосвязанных векторов давления на суверенитет – институционального (наднациональные структуры) и «вызовного» (глобальные проблемы). Автор не ограничивается констатацией «эрозии» суверенитета, а предлагает рассматривать его трансформацию через призму новых концептов.

Стиль изложения соответствует требованиям, предъявляемым к научной статье в области международного права, отличается терминологической точностью и логичностью. Содержание демонстрирует глубокую проработку темы, широкий охват материала и знакомство автора с современной научной литературой. Вместе с тем, некоторые положения, особенно в теоретической части, носят описательный и вторичный характер, не всегда напрямую увязаны с центральным тезисом статьи.

Список литературы является релевантным. Недостатком является отсутствие в библиографии работ зарубежных авторов по проблеме трансформации суверенитета, что обогатило бы сравнительный контекст исследования.

Автор условно ведет дискуссию с оппонентами, придерживающимися классической, этатистской трактовки суверенитета. Это проявляется в постоянном подчеркивании динамического, а не статичного характера суверенитета, в аргументации в пользу его «релятивности» и в анализе добровольного характера многих ограничений. Однако эта полемика могла бы быть более явной и структурированной.

Выводы статьи логично вытекают из проведенного анализа и резюмируют ключевые тезисы: переход от абсолютного к релятивному и функциональному пониманию суверенитета, усиление роли наднационального регулирования и вынужденный характер сотрудничества перед лицом глобальных вызовов. Автор справедливо отмечает сохраняющуюся фундаментальную роль суверенитета, но в новой форме.

Статья вызовет интерес у читательской аудитории журнала «Международное право», ученых-юристов, специалистов в области международных отношений, дипломатов. Поднятая проблематика находится на стыке права, политики и глобалистики, что гарантирует ее широкий резонанс.

Представленная статья является актуальным и в целом оригинальным научным исследованием, и может быть рекомендована к публикации.